

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК821.161.09+929[Скафтымов+Чехов]

«А ТЫ ВСЁ-ТАКИ ЕРМОЛАЙ»: ВИШНЁВЫЙ САД А. П. СКАФТЫМОВА

В. В. Прозоров

Саратовский государственный университет
E-mail: prozorov@sgu.ru

Размышляя о том, какое место в жизни и творчестве А. П. Скафтымова занимал один из главных персонажей комедии А. П. Чехова «Вишнёвый сад» Ермолай Лопухин, автор делится наблюдениями о хрупкой внутренней связи, существующей между предметом пристального литературоведческого внимания и сложными жизненными коллизиями самого ученого.

Ключевые слова: А. П. Скафтымов, А. П. Чехов, «Вишнёвый сад», Ермолай Лопухин.

«And yet you are Ermolai»: Cherry Orchard by A. P. Skafytymov

V. V. Prozorov

Reflecting on the place of one of the main characters of A. P. Chekhov's comedy "Cherry Orchard", Ermolai Lopakhin, in the life and oeuvre of A. P. Skafytymov, the author shares his observations on the delicate inner link that exists between the object of close literary focus and complex life collisions of the scientist himself.

Key words: A. P. Skafytymov, A. P. Chekhov, «Cherry Orchard», Ermolai Lopakhin.

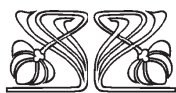
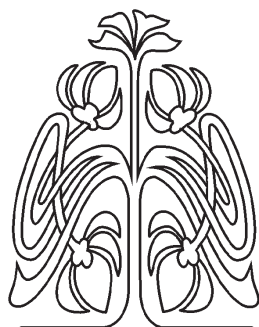
Чудом уцелел и опубликован в филолого-журналистской серии «Известий Саратовского университета» (2005) дневник выдающегося филолога XX в. А. П. Скафтымова, который он вёл в 1937 г.

Арест по диковинному доносу, ссылка в карагандинские лагеря жены, Ольги Александровны, и внезапное, тяжкое, медленное угасание у него на руках единственного их сына Павлуши, студента первого курса механико-математического факультета Саратовского университета... Неизлечимая болезнь. Отчаянно безуспешные попытки сопротивления ей... Горькие мысли: была бы рядом она, каким-то чудом смогла бы спасти сына...

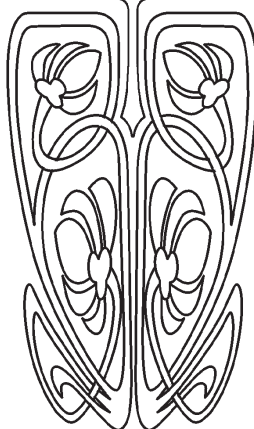
Отношения Александра Павловича и Павлуши проникнуты трогательной теплотой особых стремлений и чувств. Это больше чем взаимное притяжение и понимание. Это беззаветная, трепетная и вместе предельно скупая на экспрессивные выражения любовь, которой не нужно много слов. Она отмечена глубокой душевной нерасторжимостью, опытом взаимного мужественного преодоления предельно драматических обстоятельств жизни.

Читать этот дневник не просто – комок к горлу... Обоим понятна безысходность ситуации. Слабые, едва различимые проблески надежды, и снова – неумолимая правда... «Когда высоко поднималась температура, были отчаяние и ужас. Должно быть, и у него это было, хотя внешне он всегда ровный, говорит о своей болезни, как будто она не его, а какая-то посторонняя, и он ей посторонний. Но это только его сдержанность, а внутри у него болит, болит. Я это знаю, чувствую. Вижу по его доброй, милой, нежной и со мною жалостливой (к себе и ко мне) улыбке»¹.

А вот дневниковый фрагмент, который привлёк осторожное моё внимание: «Зашёл я к нему. Мальчик отвернулся к стенке, и слёзы у него льются, льются. Молчит мальчик. Потом тихонько взял меня за руку и прошептал, не глядя на меня: «А ты всё-таки Ермолай». Мальчик, мальчик, откуда у тебя у маленького столько деликатности, сдер-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

жанности, внутренней глубокой понятливости. Милый Павлушенька, друг мой незаменимый»². Из дневника А. П. Скафтымова. Запись от 26 февраля 1937 года. 3 часа ночи... В ночь на 11 марта Павлуши не станет.

«А ты всё-таки Ермолай». С детства близко знавшая семью Скафтымовых доцент филологического факультета Саратовского университета К. Е. Павловская напишет: «Почему Павлуша психологически сближает отца с литературным героем и именно с Лопахиним? Видимо, ответ надо искать в исследованиях Александра Павловича о Чехове, где идёт речь о сложности внутреннего мира человека с «тонкой, нежной душой»³.

Александр Павлович Скафтымов – купец Ермолай Лопахин? Что их сближает? Что за существенно важные жизненные ценности и приметы человеческого характера привычно ассоциативно связывались в скрытом от постороннего слуха семейно-разговорном быту Скафтымовых с чеховским Ермолаем Лопахиним?

А. П. Скафтымов в статье «О единстве формы и содержания в “Вишнёвом саде” А. П. Чехова» (впервые опубликована в 1946 г.) заключал, что у каждого персонажа пьесы «имеется внутри что-то эмоционально дорогое и у всех оно показано Чеховым одинаково недоступным для всех окружающих»⁴. Кто он, новый хозяин вишнёвого сада? Какие наблюдения и повороты исследовательской мысли связаны с Ермолаем Лопахиним? Что представляет собой «эмоционально дорогое» у чеховского героя?

Почти всем действующим лицам пьесы присуще ощущение «внутренней личной неустроенности» (С. 346). Они пребывают в каком-то загадочно прекраснотушном оцепенении. Вишнёвый сад продаётся за долги. Они словно бы погружены в странный сон. Со дня на день пройдут торги. Всеобщая сказочная замороженность и близорукая уклончивость. Приближается семейная их катастрофа. В ответ – почти детская, безоруживающая, не от мира сего беспомощность. Конечно же, тревожные предчувствия не оставляют их. Лопахин то и дело пытается вразумить, объяснить, поддержать: «Ваше имение находится только в двадцати верстах от города, возле прошла железная дорога, и если вишнёвый сад и землю по реке разбить на дачные участки и отдавать потом в аренду под дачи, то вы будете иметь самое малое двадцать пять тысяч в год дохода!»⁵. На что в глубине души они надеются? Вдруг всё само собой устроится, уладится, образуется? Лопахин твердит одно и то же: «Решайтесь же! Другого выхода нет, клянусь вам. Нет и нет» [205]; «Надо окончательно решить – время не ждёт» [218]. На чудо надеются? На ярославскую тётушку? Утрачено чувство самосохранения? Нескладные люди, равнодушные к собственной беде?

И кроме наступающей на них общей беды у каждого, как водится, «своя боль, свои заботы, своя мечта». Их всех характеризует «нев्यражен-

ность волнующих чувств и мыслей» (331). И что особенно ценно, «у них это не заслоняет чувства жизни других людей, не лишает их какой-то своей доли отзывчивости и сдержанности» (337).

Ермолай Лопахин – один из них. Он не чужд лирических (элегических) медитаций. Он тоже сентиментален, он склонен к глубоким душевным переживаниям. Но именно Ермолай один от них от всех заметно отличается. Он не в состоянии понять странное, рассредоточенное поведение людей, на которых «не действуют столь для него очевидные доводы к благоразумному и выгодному исходу из их затруднений» (317). Он их убеждает, а в ответ – в лучшем случае рассеянное молчание. Он изо всех сил вызывает к их рассудку – его с грустным изумлением слушают и не слышат. Он их умоляет предпринять что-то вполне определённое, но остаётся непонятым. Лопахин: «Простите, таких легкомысленных людей, как вы, господа, таких неделовых, странных, я ещё не встречал. Вам говорят русским языком, имение ваше продаётся, а вы точно не понимаете» [219].

К вишнёвому саду у Лопахина свои, и тоже непонятные другим, чувства. Чуткий к жизненным переменам Ермолай Лопахин один в пьесе не теряет реальной надежды, не расстанется с жизненной перспективой, ищет спасения, рассудительно приглашает к осмысленному, как ему кажется, поступку, один ставит вполне различимую цель и последовательно (с известной долей риска) действует ради её достижения. На этом свете «обычное повседневное бытовое состояние человека внутренне конфликтно» (345). И Лопахин, как никто другой, эту конфликтность ощущает и пробует, как может, одолеть.

В нём нет ничего общего с привычным литературным образом предприимчивого стяжателя. Его устремления («Настроим мы дач, и наши внуки и правнуки увидят тут новую жизнь») субъективно доброжелательны и направлены «на цели общественного благоустройства» (339). Ему дано отчётливое понимание надвигающейся беды. Лопахин – Раневской и Гаеву: «Я или зарыдаю, или закричу, или в обморок упаду. Не могу! Вы меня замучили!» [219]. «Он хороший человек», – говорит о нём Любовь Андреевна [209].

У Ермолая поразительно глубокая боль отчаяния и безнадёжности. Никто его по-настоящему не любит и не слышит. Да и в купеческом его деле рядом с ним люди совсем иного состава крови. Лопахин: «Надо только начать делать что-нибудь, чтобы понять, как мало честных, порядочных людей» [224].

Что за отношения связывают его с Варей? Варя права: «Бог с ним совсем, тяжело мне его видеть... Все говорят о нашей свадьбе, все поздравляют, а на самом деле ничего нет, всё как сон...» [201]. А. П. Скафтымов подытоживает: «Они нравятся друг другу, но остающаяся между ними непреодолимая неслаженность мешает прямому обращению, и чувства прикрываются

подшучиванием (“Ме-е”, “Охмелия, иди в монастырь”) и внешней показной неприязнью (Варя грозит кулаком, замахивается палкой). Подлинное проникает и сюда; и реплика, начатая “сердито и насмешливо”, иногда заканчивается ласково и мягко» (331).

Лопахин и Варя небезразличны друг другу. Но со стороны Ермолая Алексеевича решительно не хватает побудительной энергии, инициативного слова и шага. Так и проходят они мимо, вроде бы и готовые к откровенному объяснению, которое так и не случится, несмотря даже на старание Раневской: «Она вас любит, вам она по душе, и не знаю, не знаю, почему это вы точно сторонитесь друг друга. Не понимаю!» [250]. Недостает для них чего-то главного. Или что-то мешает. Варя рыдает. Лопахин внешне сдержан, но в глубине – раздирающая душу драма. Близким привычно кажется, что он любит Варю: «Аня (*обнимает Варю, тихо*). Варя, он сделал предложение? (*Варя отрицательно качает головой.*) Ведь он же тебя любит... Отчего вы не объяснитесь, чего вы ждете?» [204]. В самом деле, чего они ждут? Варя что-то знает или смутно догадывается: «У него дела много...» Довод малоубедительный, и она самоубийственно добавляет нечто сокровенное и очень для себя тяжёлое: «...ему не до меня... и внимания не обращает. Бог с ним совсем, тяжело мне его видеть...» [201].

Но зачем он, Лопахин, здесь, в доме Раневских? Что его сюда тянет? Что им движет? Автор пьесы глубоко упрятал от равнодушных и невнимательных глаз главное содержание жизни своего героя: Ермолай Лопахин влюблён в Раневскую. Он в этом доме – только ради неё.

С его признаний начинается пьеса. Вот-вот, с минуты на минуту, придет Раневская. Лопахин делится своим волнением с горничной Дуняшей: «Любовь Андреевна прожила за границей пять лет, не знаю, какая она теперь стала... Хороший она человек. Лёгкий, простой человек» [197]. И дальше воспоминание, с которым он, по всей видимости, никогда не расстанется. Пятнадцать лет ему было, как (не в первый и не в последний раз) отец покойный ударил его кулаком по лицу, кровь пошла из носу: «Любовь Андреевна, как сейчас помню, ещё молоденькая, такая худенькая, подвела меня к рукомоинику, вот в этой самой комнате, в детской. Не плачь, говорит, мужичок, до свадьбы заживёт...» [197]. И снова: «Узнает ли она меня? Пять лет не видались» [199].

Вместе с Лопахиным Раневскую после продолжительной разлуки встречают брат её Гаев, приёмная дочь Варя, Симеонов-Пищик, Дуняша, Фирс. Она целует брата, Варю, Дуняшу. Каждому находит что сказать. Варя «по-прежнему всё такая же, на монашку похожа». И Дуняшу она узнала. И привычные фразы Гаева пробует вспомнить: «Жёлтого в угол! Дуплет в середину!» [203]. И Фирсу ласкового слова не пожалела. Лопахина же она словно бы не замечает. Отчего? Простая

небрежность или какая-то внутренняя с её стороны скованность и неловкость? Он короткой репликой пробует принять участие в разговоре: «Да, время идёт» [203]. Никакой реакции. Лопахин не выдерживает и напоминает о себе вполне определённо: «Мне сейчас, в пятом часу утра, в Харьков ехать. Такая досада! Хотелось поглядеть на вас. Поговорить... Вы всё такая же великолепная». Ни слова в ответ. Лопахин близок к отчаянию. Он с новой силой и страстью продолжает нервно-напряжённый монолог: «Ваш брат, вот Леонид Андреич, говорит про меня, что я хам, я кулак, но это мне решительно всё равно. Пускай говорит» [204]. Чем вызван внезапный порыв самоуничтожения? Лопахина здесь никто не слышит. Куда ему «со свиным рылом в калашный ряд», «мужик мужиком» [198]? Для них он и свой, и чужой. И для Раневской? Отчасти, да. Чего же хочет Лопахин, к чему устремлён? «Хотелось бы только, чтобы вы мне верили по-прежнему, чтобы ваши удивительные, трогательные глаза глядели на меня, как прежде». И дальше следует главное признание: «Боже милосердный! Мой отец был крепостным у вашего деда и отца, но вы, собственно вы, сделали для меня когда-то так много, что я забыл всё и люблю вас, как родную... больше, чем родную» [204].

Его слова звучат как откровенное и отчаянное признание в сильном и стойком чувстве. «Как прежде» – это его разгоряченная фантазия или... сладостная явь, которую он не в состоянии забыть? Бог весть... Во всяком случае, сильное чувство его даёт ему право на эти признания. «Я забыл всё» – не про её ли романы с другими говорит он? И снова Лопахин: «Мне хочется сказать вам что-нибудь очень приятное, весёлое...» [205]. И собравшись с духом, предлагает ей разумный план-«проект» спасения вишнёвого сада, усадьбы, её самой: «Прошу внимания!» И дальше – про то, как надо разбить пока ещё ей принадлежащую огромную землю на дачные участки и отдавать эти участки в аренду [205]. «Я вас не совсем понимаю, Ермолай Алексеич», – рассеяно говорит она в ответ. Он старательно объясняет ей ещё раз, подробнее, детальнее: «Одним словом, поздравляю, вы спасены». Нужна только самая малость – «снести все старые постройки, вот этот дом, который уже никуда не годится, вырубить старый вишнёвый сад...» В этот момент она встрепенётся: «Вырубить? Милый мой, простите, вы ничего не понимаете. Если во всей губернии есть что-нибудь интересное, так это только наш вишнёвый сад» [205]. «Милый мой» – нейтрально-разговорное обращение, смягчающее своё категорическое несогласие с его проектом, или эмоционально вырвавшееся вдруг выражение давней нежной привязанности?

Все отношения Раневской к Лопахину даны скрыто, в полутонах. Вот, например, в речи Любови Андреевны, в тот самый момент, когда в финале она побуждает Лопахина объясниться

с Варей, появляется одна неслучайная, на мой взгляд, пауза, отмеченная многоточием. Раневская обращается к Лопихину: «Вы это очень хорошо знаете, Ермолай Алексеич; я мечтала... выдать её за вас, да и по всему видно было, что вы женитесь» [250]. Мечтала... о чём? Что за глоток воздуха? Что за многоточие? Она взволнована, она переводит дыхание?.. В театре Чехова каждая пауза скрывает бездну противочувствий.

Да и брат Раневской Леонид Андреевич Гаев уверен, что их общее семейное спасение придёт... от Лопихина: «Твоя мама поговорит с Лопихиным; он, конечно, ей не откажет» [213]. И не отказал бы, заговори она с ним на эту тему. Но разговора такого не будет: она не станет просить его о помощи. Подспудная мысль о парижском любовнике и о чём-то ещё, для нас недоступном, не оставляет её...

И он, Ермолай, мечту свою несбыточную лелеющий, не в состоянии оказывается уберечь от гибели ту, которую любил и любит тихо, сильно и беззаветно. Любовь Андреевна уходит-уезжает в безнадежное никуда. И Варя, он понимает, по его вине, несчастна. И сам он бесприютен, неустроен и одинок... Лопихин испытывает очень сложные чувства: «Отчего же, отчего вы меня не послушали? Бедная моя, хорошая, не вернёшь теперь. (Со слезами.) О, скорее бы всё это прошло, скорее бы изменилась как-нибудь наша нескладная, несчастливая жизнь» [241]. Скафтымов сдержанно и скупно замечает: «В роли Лопихина есть тоже свои лирические моменты, где он раскрывается в субъективном пафосе» (318–319). И вновь – про «субъективно оправданную и по-своему серьёзную лирику Лопихина» (320). Своё внимание Скафтымов сосредоточивает на «мысли о стихийной власти чувств, об одиноком страдании, о непроницаемости индивидуального внутреннего мира для окружающих» (321).

Я помню, как нам, студентам-четверокурсникам филологического факультета Саратовского университета в 1960 г. доцент кафедры русской литературы Лидия Павловна Медведева читала спецкурс «Драматургия А. П. Чехова». Скафтымов был её непосредственным учителем. Она сразу же объявила, что читать будет «очень близко к Скафтымову», обстоятельно соблюдая логику его мысли и даже опираясь непосредственно на собственные, аккуратные, педантично оформленные, подробные записи его лекций. Л. П. Медведева показывала нам портрет молодого Скафтымова (он в ту пору уже вышел на пенсию, на факультете не появлялся) и с некоторой долей свойственного ей простодушия настойчиво и призывно добавляла: «Правда, похож на Чехова?! Правда, похож?! Очень похож на Чехова!» А когда дошла в финале курса до «Вишнёвого сада», то заметила, что Скафтымов в своих университетских лекциях о пьесе Чехова был значительно полнее и подробнее, чем в статье о комедии, что комментировал он последовательно действие за действием, сцену

за сценой. И сделала важное для нашей темы уточнение (воспроизвожу по собственной записи): «Александр Павлович рассказывал о Лопихине особенно трогательно, как о любимце Чехова, как о главном герое комедии – человеке в высшей степени честном, благородном и сердечном...»

Писать в сталинские годы откровенно сочувственно о классовом враге, о социально чуждом новой эпохе чеховском персонаже – купце-приобретателе – было более чем затруднительно. Новейшие советские исследователи как раз и обвиняли Чехова в том, что «у него не было решительности в осуждении ни дворянства, ни буржуазии (смягчённые образы Раневской и Лопихина)» (314). Скафтымов же писал о героях «Вишнёвого сада» в полной гармонии со смыслом и тоном чеховской пьесы, в полном внутреннем согласии с тем, как их нежно и трепетно представил сам автор комедии. Писал, быть может, утаивая нечто глубоко сокровенное, что открывалось ему в Лопихине. Но это сокровенное могло быть и, вероятнее всего, было предметом волнующих душу домашних разговоров с самыми близкими людьми, включая и сына Павлушу.

Сохранился ещё один фрагмент раннего дневника Скафтымова, в котором Александр Павлович делится своими мучительными раздумьями, слишком сильно (и, разумеется, **невольно**) напоминающими невыразимую боль чеховского Лопихина. Дневниковые записи Скафтымова, датированные 1916 г., посвящены истории любви Александра Павловича к Ольге Александровне Знаменской-Ворошиловой⁶, впоследствии ставшей его женой и матерью Павлуши. В этом глубоко личном документе запечатлены светлые и тревожные состояния его души, страстные переживания, связанные с крепнущим день ото дня проникновенным и драматически сложным чувством к его будущей жене. Сосредоточенно чуткий читатель чеховского «Вишнёвого сада» оценит внезапно и явственно возникающие параллели и ассоциации. Вот несколько предельно кратких и экспрессивно насыщенных дневниковых записей:

«Ищу встреч, даже, кажется, смущаюсь. Скучаю. Огорчаюсь неожиданным её отсутствием».

«Разница лет <...> А внутренне ведь мы во многом понимаем друг друга <...> Конечно, у ней иная жизнь, чем у меня, иные дорогие мелочи облачают её душу, у ней иные страдания, у ней столько ценного в прошлом, такого близкого, дорогого, вся душа полна милым прошлым. Где же, в чём же могут быть общие точки. Могут ли я быть нужен ей <...>».

«В душе ужасная сумятица. <...> Она старше меня, вдова. И в этом вся “неестественность” и затруднения. Если она меня любит, можно всем этим пожертвовать. Больше твёрдости, ясности, нужно это в скором же времени определённо установить и определить дальнейшие отношения».

«Я полон ею, мыслю о ней, но всё без будущего».

«Мне себя надо взять в руки. Я без неё не живу и с ней не живу. Я в пустоте. Отсюда тоска, нудность жизни, бесцветность, равнодушие ко всему».

«Люблю по-прежнему сильно, печально и как бы робко. Последнее, кажется, признак истинности чувства».

«Да, удивительное чувство. Логика ни йоты. Наперекор всякому объяснению. Вот хочется к ней и только. Быть, сидеть, разговаривать (о чём, не важно), ласкать, грустить».

«Хочется быть с ней, не ради чего-нибудь впереди, а только это, только вот сейчас быть с ней, больше ничего, будущего нет».

«Деньги нужны, чтобы жить, двигаться... и т. д. А ради чего двигаться, напрягаться? – Чтоб иметь деньги на продление ненужности, надрыва, утомления, нудности, иногда нервной трёпки, иногда тупой скуки и пр. Что лучше: скука или надрыв, вынужденное напряжение? И то и другое нелепо. Только этим жить нельзя. Чем же, однако, живу? Есть какие-то просветы. Она».

У человека подобной эмоционально-экспрессивной нервной энергии, подобной силы чувств, деликатности, требовательности к себе на самом деле много общего с чеховским героем.

К. Е. Павловская вспоминает: «Часто предметом семейных обсуждений у Скафтымовых было что-то из творческих замыслов Александра Павловича, судьбы литературных героев, их место в реальной жизни. Некоторые персонажи постепенно приобретали образы живых людей и органически входили в сознание членов семьи. Павлуша неизменно участвовал в этих беседах и, вероятно, немало из них для себя извлёк»⁷.

Ермолай, в устах сына Скафтымова, – высшая, мудрая, очень светлая и доверительная человеческая оценка. Пронзительная. Ермолай – тот, кто в этом мире близких людей, в мире Вишнёвого

сада всё остро, тонко и нежно чувствует, всё пробует понять, любит бескорыстно и безответно, действует отчаянно и сгоряча. Но сделать ничего примиряющего, спасительного для всех (и для себя самого!) не может и оттого искренне, до боли страдает. Он и в минуты лихорадочной радости, в часы триумфа страдает, смотрит на себя со смущением, снисхождением и досадой. Он берёт, по словам А. П. Скафтымова, «тон иронии к собственному нечаянно распустившемуся размаху» (319).

Человек дела и мечтатель – одновременно. Неприкаянный, он щедр, застенчив и неловок, умён, добр и несчастлив...

«А ты всё-таки Ермолай».

Примечания

- ¹ Скафтымов А. «И я пишу к тебе. Пусть хоть это останется». Дневник 1937 года // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2005. Т. 5, вып. 1/2. С. 42–43.
- ² Там же. С. 46.
- ³ Павловская К. Послесловие // Там же. С. 51.
- ⁴ Скафтымов А. Поэтика художественного произведения / сост. В. В. Прозоров, Ю. Н. Борисов; вступ. ст. В. В. Прозорова. М.: Высш. шк., 2007. (Классика литературной науки). С. 323. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц в круглых скобках.
- ⁵ Чехов А. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. Т. 13. Пьесы. 1895–1904. М.: Наука. 1978. С. 205. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы в квадратных скобках.
- ⁶ См.: Скафтымов А. «Быть перед собой честным...» Дневник 1916 года // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2005. Т. 5, вып. 1/2. С. 36–42.
- ⁷ Павловская К. Указ. соч. С. 51.

УДК 921.161.1.09-2+929[Скафтымов+Чехов]

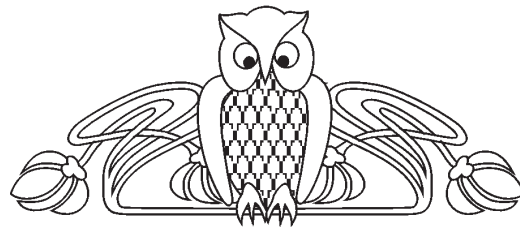
ИСТОРИЧЕСКОЕ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ В СТАТЬЯХ А. П. СКАФТЫМОВА О ДРАМАТУРГИИ А. П. ЧЕХОВА

И. Ю. Иванюшина

Саратовский государственный университет
E-mail: iijyi@mail.ru

В статье рассматривается соотношение двух подходов А. П. Скафтымова к интерпретации чеховских пьес – исторического и экзистенциального; исследуется «полиглотизм» работ ученого; показывается связь его идей с нарождающейся экзистенциальной философией.

Ключевые слова: А. Чехов, А. Скафтымов, драматургия, конфликт, историческое, экзистенциальное.

The Historic and the Existential in the Articles
by A. P. Skaftymov on A. P. Chekhov's Drama

I. Yu. Ivanyushina

The article regards the correlation of two approaches of A. P. Skaftymov to the interpretation of A. P. Chekhov's plays – the historic and the existential; the «polyglottism» of the scientist's works is researched; the link of his ideas with the emergent existential philosophy is revealed.